

Н.В. Покатилова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.006
УДК 821.512.157.09+398(=512.157)

Эпос олонхо в исследованиях Н.В. Емельянова: от систематизации к закономерностям эпического сюжетосложения

Научная новизна. Все четыре монографии Н.В. Емельянова представляют собой единое целое, концептуальность которого обусловлена целостным пониманием эпического жанра олонхо, прошедшего достаточно длительную эволюцию в широком контексте этно- и культурогенеза якутского народа, его движения «с юга на север». В сюжетном составе и в различного рода сюжетных напластованиях, а также в устоявшемся поэтическом языке якутского олонхо находят выражение архаичность и одновременно автономность процессов эпического сюжето- и жанрообразования: от ранних мифологических форм к развитому героическому повествованию.

Цель и задачи. В статье предпринят анализ монографических исследований Н.В. Емельянова по эпосу якутского олонхо. Изложение сюжетов якутских олонхо в его первой работе (1980 г.) было продиктовано задачей систематизации значительного корпуса записей вариантов, хранящихся в фондах Архива ЯНЦ СО РАН.

Методы исследования. На материале 75 рукописных записей вариантов были разработаны принципы разграничения разновидностей олонхо по типу эпического героя и соответствующего ему сюжетного построения. Внутри каждой из групп шла дополнительная дифференциация на подгруппы, характеризующие отчетливо выраженную индивидуальную последовательность сюжета в каждом из вариантов подгруппы. Текстуальному описанию каждой из трех больших групп сюжетов были посвящены отдельные монографии исследователя (1983, 1990, 2000 гг.). Однако уже в первой монографии Н.В. Емельянова (1980 г.) стало очевидно, что задачи исследования не могут ограничиваться только систематизацией вариантов, помимо этого, в работе была представлена более широкая концепция изучения сюжетного многообразия вариантов.

Результаты. В результате исходная задача по систематизации вариантов переросла в исследование особенностей сюжетосложения устного эпоса. В научных трудах Н.В. Емельянова впервые предвосхищена возможность системного исследования поэтики якутского олонхо в совокупности сюжетной, пространственно-временной и формульно-поэтической организации, функционирующей в качестве целостной структуры устного происхождения.

Ключевые слова: устная традиция, якутский эпос олонхо, эпический сюжет, вариант, систематизация сюжетов, эпическое сюжетосложение

I. Введение. Научный вклад Н.В. Емельянова определяется его работами в области сюжетологии якутских олонхо. Однако до сих пор его исследовательский подход к эпической традиции не был предметом специального рассмотрения, не определена в должной мере позиция исследователя по ряду вопросов классификации и научной систематизации единиц сюжетной организации, несмотря на общепризнанную значимость его работ по введению в научный оборот значительного корпуса сюжетных вариантов олонхо. Научные представления Н.В. Емельянова и результаты его исследований до сих пор не вписаны в общий контекст отечественной фольклористики XX в. и не обозначены в качестве перспектив целостного понимания поэтики якутского олонхо, заявленного в его поздних работах. В связи с этим возникает необходимость не только в обращении к работам Н.В. Емельянова, но и, по возможности, в новой оценке его работ, ставших своеобразным завершением важнейшего этапа якутской и российской исследовательской традиции XX в., что определило цель и задачи настоящей статьи.

Научный путь Н.В. Емельянова: от малых жанров к эпосу олонхо. Н.В. Емельянов пришел в науку сравнительно поздно, уже состоявшимся учителем, проработавшим в школе немало лет. Именно это позволило ему с самого начала и до конца своей научной деятельности сохранить своеобразную «учительскую» закваску: обстоятельность, чрезвычайную ответственность перед порученной работой и внимательность к деталям. В этой связи, говоря о работах исследователя по якутскому эпосу олонхо, нельзя не затронуть истоков его научной деятельности. По поручению Г.У. Эргиса Н.В. Емельянов начал свой исследовательский путь с малых жанров и форм [Емельянов, 1965], став, по мнению своего учителя, автором «одной из лучших научных публикаций» якутских пословиц и поговорок [Эргис, 1974: 90]. В то же время уже в специальном исследовании тех же пословиц и поговорок [Емельянов, 1962], предшествовавшем их изданию, Г.У. Эргис отмечал скрупулезность автора исследования в обобщении «изданных и рукописных материалов», тщательность подготовки не только текстов и научного аппарата к ним, но и их переводов, отличаю-

щихся точностью и научной обстоятельностью. Указанные черты молодого исследователя в подходе к материалу позволили уже в первой его работе обнаружить и впервые описать достаточно архаические в плане промежуточности, порой утраченные для самой традиции малые формы: алгысные слова (*алгыс тыллар*), забытые разновидности чабыргах типа лабысха и др. Впоследствии при завершении итогового труда Г.У. Эргиса «Очерки по якутскому фольклору» (1974) именно Н.В. Емельянову суждено было закончить главы IX–XI, посвященные малым жанрам. Впервые в отдельные главы книги были выделены «Скороговорки (чабыргах)» и «Загадки» [Эргис, 1974: 324–360].

II. Материал и методы исследования. Эпос олонхо в предметном поле исследователя.

Методологические принципы, выработанные исследователем по отношению к малым жанрам, были спроецированы почти на все повествовательные жанры якутской традиции (исторические предания, сказки, определенные разновидности песенных жанров), но получили наиболее яркое и логическое завершение при изучении им эпического жанра олонхо.

Н.В. Емельянов всегда оставался верен концептуальным идеям Г.У. Эргиса, претворяя его научные принципы: тщательную выверенность материала, знание всех имеющихся вариантов и стремление представить все вариативное разнообразие того или иного жанра, независимо от того, поговорка это или эпос, дошедшие до нас в записях или в актуальном бытовании устной традиции. Не скрывал Н.В. Емельянов и того, что идея систематизированного свода по «изложению сюжетов» олонхо принадлежала его учителю. Во введении к первой монографии специально подчеркивается, что «тематика настоящей книги была предложена Г.У. Эргисом» [Емельянов, 1980: 14]. Саму же работу по систематизации он воспринимал позднее как проявление особого доверия ему и большую ответственность [Емельянов, 2000: 6].

По результатам этой работы Н.В. Емельяновым были написаны четыре монографии: «Сюжеты якутских олонхо» (1980), «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» (1983), «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» (1990), «Сюжеты олонхо о защитниках племени» (2000).

Все четыре монографии представляют собой единое целое, в котором автор последовательно реализует свою концепцию систематизированного свода вариантов. Исходной при этом оказывается первая книга исследователя – «Сюжеты якутских олонхо», вышедшая в Москве в издательстве «Наука» (1980). На первый взгляд кажется, что все внимание здесь сосредоточено только на изложении сюжетов, без достаточно подробного прояснения критериев разграничения вариантов. Между тем внимательное изучение примечаний [Емельянов, 1980: 295–300], где приводится обширный свод использованных вариантов, сама структура работы и ее оглавление, в котором в названиях групп и подгрупп уже сформулированы принципы разграничения сюжетных вариантов, позволяют понять, насколько продуманной и одновременно кропотливой была предварительная работа по вычленению материала и отбору вариантов. Основная цель свода обозначена автором как стремление «изложить в наиболее полном и систематизированном виде сюжеты олонхо на русском языке». Автором отчетливо осознается, с одной стороны, недостаточность «попытки сухого и краткого пересказа таких крупных и сложных поэтических произведений», каким предстает якутское олонхо, с другой стороны, отмечается важность того, что «даже такая работа поможет ускорить внесение в научный оборот богатейшего жанра якутского фольклора» [Емельянов, 1980: 13].

Создание общего свода олонхо: сюжетный уровень. О том, что работа над первой монографией шла в несколько этапов, свидетельствует один из научных отчетов Н.В. Емельянова 1978 года¹, являющийся предварительным наброском к будущей книге. Здесь еще не совсем отчетливо обозначены критерии отбора текстового материала олонхо, не сформулированы в окончательном виде названия сюжетно-тематических групп, встречаются сомнения по поводу включения отдельных вариантов, но уже вполне очевиден общий диахронический принцип расположения вариантов олонхо. В его основе – движение «от мифологии», точнее, «мифологической стадии» к собственно эпическому этапу

формирования олонхо. Стадиальная типология сложения эпической традиции, подсказанная существующими работами по эпосу [Пухов, 1962; Мелетинский, 1968; Путилов, 1988 и др.] и черновой работой над сюжетными вариантами, становится определяющей в его концепции свода.

В окончательном виде книги строгая выдержанность диахронического принципа привела к возможности проследить эволюцию основной сюжетной линии якутского олонхо: от «заселения Среднего мира» к «родоначальникам племени ураангхай саха», а от них – к «защитникам племени айыы и ураангхай саха». В рамках этой линии были выработаны критерии классификации имеющихся вариантов олонхо. В ее основе – диахроническая последовательность возникновения и последующего формирования (стадиально отмеченного) самого эпоса как целостной жанровой традиции. Внутри каждой из трех крупно выделенных групп прослеживается та же «стадиальная» логика сложения эпоса, которая откладывается в той или иной сюжетной разновидности, а в некоторых случаях – в тех или иных сюжетно выделенных вариантах, имеющих необычное построение (варианты отверженных потомков айыы, о первых богатырях, варианты с различными сюжетами). Характерно, что в научном отчете Н.В. Емельяновым было использовано 90 вариантов олонхо, в окончательном же книжном виде их число сократилось до 75 наиболее показательных, «с более или менее соответствующими предлагаемой систематизации сюжетами» [Емельянов, 1980: 13]. Последняя оговорка исследователя существенна и найдет свое продолжение в последующих его монографиях, когда речь пойдет о своеобразных в сюжетном отношении вариантах, в разной степени подпадающих под общую схему, а иногда в той или иной степени или прямо отступающих от нее. Все это в целом свидетельствовало о продолжавшемся до самого конца процессе постоянной доработки автором имеющегося материала и основных положений монографических исследований, обобщающих этот материал.

III. Результаты. Эпическая тетралогия Н.В. Емельянова. Все четыре книги исследователя составляют целостность, в которой значим

¹Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук (РФ АЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 13. Д. 36. Научный отчет по теме "Сюжеты якутских олонхо". 1974 г.

каждый этап, но в то же время во всех работах поэтапно выдержана концептуальная логика исследователя. Определяющим в ней оказывается принцип систематизации сюжетного многообразия олонхо с последующей разработкой классификационных признаков эпической вариативности. Исходя из этого, первая книга автора 1980 года может рассматриваться как своего рода синхроническая постановка проблемы систематизации вариантов якутского олонхо. В своих последующих работах Н.В. Емельянов специально рассматривает каждую из трех выделенных им групп текстов, чему посвящены соответственно его монографии 1983, 1990 и 2000 гг. В них представлено диахроническое освещение каждой выделяемой им сюжетной группы, где уже дана подробная экспликация того, что стоит за каждой группой и в особенности, как показывает материал, за той или иной подгруппой в системном целом эпического варьирования. Характерно, что в последующих монографиях сложившаяся уже в первой работе концепция не меняется, а только детализируется на конкретном материале, при этом каждый раз акцентируется данная для каждой внутригрупповой разновидности текстовая вариативность олонхо. Именно поэтому в последующих его работах значительное место занимают текстуальные сопоставления вариантов, свидетельствующие о блестящем знании им эпической традиции и анализе всех имеющихся записей. Следует подчеркнуть, что последняя монография исследователя, изданная посмертно, к сожалению, осталась незавершенной как в аспекте подробного анализа 4-й подгруппы вариантов третьей группы (последней 10-й в общем количестве подгрупп), так и в аспекте общего (предполагаемого) заключения ко всем работам автора, объединенных единством замысла и целостностью концепции. Таким образом, три последующие монографии исследователя не просто детализируют концепцию, изложенную в самом начале, но, скорее всего, представляют собой определенное решение проблем, заявленных на «частном» материале той или иной разновидности (или групп) олонхо.

В то же время, несмотря на цельность замысла и общность концепции, следует все же говорить об эволюции собственных представлений исследователя, его методологических принци-

пов, развертывающихся в точном соответствии с расширением и углублением каждый раз исследуемого материала. Монографии исследователя дают возможность проследить, как от работы к работе уточняется и несколько корректируется классификационный подход к материалу, меняются в результате анализа основания типологического разграничения вариантов и многие моменты эволюции самих сюжетных разновидностей по сравнению с первоначальным предположением о них. Если в первом обобщении материала в виде свода отмечалась архаичность первой группы олонхо по степени мифологичности, то в трех последующих монографиях, где акцент делается на подробном описании вариантов, входящих в состав той или иной группы и подгрупп, усложняется само представление об «архаичности» и ее мифологических оснований. В своей последней монографии исследователь приходит к пониманию мифологичности, эксплицированной в известной мере в самом тексте, что выражается в особенностях процесса «дегероизации» эпических персонажей, наиболее очевидных в контексте эволюции образов женщин-богатырок и самого эпического богатыря – «родоначальника»/«защитника», в отходе темы героического сватовства на второй план, принципиальной возможности замещения в тексте ключевых структурных составляющих общей сюжетной схемы, продиктованных происхождением эпических героев от земных родоначальников, статичности «действий» божеств и утере связи с божествами, в замене мифологических представлений о происхождении героев иными мотивировками (семейного и бытового плана), в появлении темы территориального конфликта и многого другого. Таким образом, есть существенные различия между первой постановкой проблемы общего свода в работе 1980 г. и текстовой реализацией вариантного многообразия в каждой из трех разновидностей – в изданиях 1983, 1990, 2000 гг. Все три последующие монографии исследователя сосредоточены на текстуальном описании каждой из трех больших групп или разновидностей сюжетов, преемственно связаны между собой и отсылают к общему своду в первой книге.

«Сюжеты ранних типов олонхо» (1983 г.). Для общей концепции свода первая группа сюжетов о «заселении Среднего мира» приобрета-

ет исключительное значение в качестве наиболее архаической как по мифологичности эпического повествования, так и по степени сохранности текстов. Именно этим объясняется такой принцип отбора материала, когда исследователь обращается не только к полным, но и неполным (фрагментарным, иногда просто обрывающимся записям (типа № 1, 2, 5). Тем самым значимость вариантов этой группы возрастает независимо от объема текста и сюжетной развернутости повествования, приобретая несколько иное качество, связанное с сохранностью устных текстов в качестве культурных артефактов традиции.

Первая группа сюжетов («Заселение Среднего мира») в свою очередь состоит из трех подгрупп, внутренняя последовательность которых также подчинена логике выявления наиболее архаической мифологической семантики, что обусловлено «двумя линиями развития» эпических сюжетов этой группы, – это заселение Среднего мира 1) потомками Юрюнг Айыы Тойона и 2) отверженными потомками айыы. К этой же группе относятся эпические повествования о женщинах-богатырках как «первых» людях, заселивших Средний мир. Таким образом, наиболее архаичными предстают, по мнению исследователя, варианты олонхо об отверженных потомках айыы и женщинах-богатырках. В этом случае речь идет о мифологичности типологического плана, чему в свое время был посвящен ряд исследований Е.М. Мелетинского [Мелетинский, 2004: 255–294, 299–364]. Это позволяет рассматривать группу «ранних типов олонхо» в качестве исходной точки отсчета в формировании сюжетной структуры олонхо. Отсюда и постоянные отсылки, по существу – в самих вариантах традиции, к выделенной Н.В. Емельяновым группе сюжетов. Особенно отчетливо они обнаруживаются при описании сюжетов о «родоначальниках племени» и о «защитниках племени». Обозначенные в них переклички с сюжетами ранних типов олонхо могли бы составить специальный предмет исследования, здесь не только прослеживается общая эволюция сюжетных типов, но и обнаруживаются трансформации самого жанра, зафиксированные в «поздних» в типологическом плане вариантах.

«Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» и «Сюжеты олонхо о защитниках племени». Обе монографии, казалось бы, однотип-

ны по структуре, но они отличаются по степени реализации общей концепции исследователя на разном материале. Это касается и особенностей эволюции исследовательского подхода Н.В. Емельянова, и появления дополнительного круга проблем, возникших при обсуждении разных типов олонхо. Так, олонхо о защитниках племени, в особенности его варианты «о Нюргунах» Н.В. Емельянов считал своеобразной вершиной в развитии эпической традиции, поскольку «национальное самосознание» наиболее ярко начинает выражаться именно в этом типе олонхо [Емельянов, 2000: 183]. В то же время эта разновидность показала большее число следуемых за расцветом традиции трансформационных изменений, свидетельствующих о начале завершения этой традиции, о начавшемся и достаточно показательном процессе, к примеру, «дегероизации (в эпическом смысле) образа богатырки» [Емельянов, 2000: 11], о тенденции к усложнению событийной стороны (перипетий) сюжетной структуры, связанной с тем, что «сказители постепенно освобождаются от мифологических представлений о происхождении героев» [Емельянов, 2000: 183] и др.

В процессе систематизации сюжетного разнообразия олонхо исследователем поднимается сложный и недостаточно изученный вопрос о причинах этого многообразия и появления новых сюжетных линий и их разрастания и усложнения. В представлениях исследователя это связано с тем, что «в олонхо осуждается все, что чуждо интересам племени, его законам; утверждается то, что отвечает эпическим идеалам. В каком бы мифологическом и сказочном виде ни развивался сюжет, главной его линией остается раскрытие противоречий родовой жизни, взаимоотношений людей эпического периода исторического развития людей» [Емельянов, 1980: 7]. Несмотря на ограниченность эпического сюжетосложения временем и пространством, однотипностью традиционных образов и мотивов, повторяемостью формульного языка, сюжеты олонхо «богаты и разнообразны», что достигается, по мнению исследователя, «путем создания различных характеров персонажей, раскрытием их взаимоотношений и взаимодействий, проявляющихся в развертывании фабулы многообразными сочетаниями, переплетениями традиционных, устоявшихся веками мотивов

(событий, эпизодов)» [Емельянов, 1980: 7]. Причина сюжетного разнообразия вариантов видится в том, что «изменение характера нескольких (или даже одного) персонажей способствует созданию сказаний с совершенно разными сюжетами» [Емельянов, 1980: 8]. Не случайно в самостоятельную, пятую, подгруппу включены олонхо, имеющие «своеобразные сюжеты», связанные с разработкой в эпическом тексте преимущественно характерологических черт персонажей, что чаще всего выражается во взаимоотношениях персонажей конфликтного плана. Тем самым индивидуальная последовательность сюжета, присущая тому или иному излагаемому каждый раз варианту, оказывается важной для раскрытия и понимания характера эпических персонажей. В этой связи исследователь излагает свое представление о внутрижанровом разнообразии олонхо. Интересно, что последовательное изложение сюжетов позволяет исследователю обратить внимание не только на сюжетное своеобразие, присущее каждому варианту, но и на то, как «собирается», монтируется в процессе исполнения тот или иной вариант как текст. Так, например, рассматривая вариант № 20 (в публикации и изложении В.Л. Приклонского), исследователь отмечает, что основная сюжетная линия сосредоточена на конфликте двух персонажей между собой, а борьба Эр Соготоха с абаасы «принимает второстепенный характер», отступая на второй план.

Изложение сюжета во многих местах сопровождается у Н.В. Емельянова замечаниями и наблюдениями оценочного характера. Это касается и эволюционной «постепенности» формирования каждого типа героя и связанной с ним разновидности сюжетного развертывания текста варианта. Исследователем фиксируется «постепенность создания» образа небесного «родоначальника» или «Нюргун Боотура». Процесс сюжетообразования в конце концов затрагивает не только эволюционные аспекты сложения сюжета в каждой из его разновидностей, но и их стадиальную типологию, которая выводится из сопоставительного анализа разных вариантов с одним и тем же типом героя, как правило, имеющим одно и то же или сходное имя. В результате анализа сходных сюжетов по типу и имени героев (варианты олонхо об Эр Соготох, олонхо «о Нюргунах») фиксируется соотношение раз-

ных временных напластований в сюжете, в более поздних вариантах отмечается несоответствие сюжета стадиальной типологии героя и типу самого сюжета. Так, в группе олонхо о родоначальниках племени образы сыновей эпического героя Тонг Саара Тойон оказываются «архаичнее образа их отца» (старший сын, «выросший под пнем» и младший сын в облике быка) [Емельянов, 1990: 130]. В этом случае обнаруживается парадоксальное смешение стадиально различных черт в пределах одного варианта, что также может стать предметом специального изучения.

Скрупулезно отмечая различного рода сюжетные повороты в вариантах, исследователь постепенно подводит к уровню понимания самим сказителем сюжетной развернутости как своего рода «индивидуальной» (разумеется, в устных пределах) разработки традиционной темы, в которой могут появляться вкрапления, вставки и разного рода модификации сюжетного и формульно-языкового плана, в отличие от заданной традицией фабульной последовательности. Исследователь в процессе работы над вариантами приходит к разному соотношению фабулы и сюжета, к достаточно тонким различиям в понимании *сюжета олонхо* в самом начале и в конце исследования, что отчасти было замечено последующими исследователями [Семенова, 2006: 22–23].

Обе монографии 1990-х гг. (о «родоначальниках» и «защитниках племени») знаменательны тем, что в них, помимо разнопланового анализа вариантов, внимание исследователя сосредоточено в большей степени на закономерностях жанровой эволюции олонхо, на процессе трансформации жанра в целом, что оказывается наиболее показательным именно на примере второй и третьей выделяемой им групп сюжетов. Особо в этой связи следует выделить работу «Сюжеты о родоначальниках племени» (1990 г.). Здесь блестящий анализ разновременных вариантов олонхо об Эр Соготох, получивших почти повсеместное распространение по всей Якутии, и анализ аналогичных сюжетов в других традициях (долганское олонхо, олонхо северных улусов) диктуют постановку вопросов жанровой целостности олонхо.

От первых работ (1980-х гг.) к последним (конца 1990-х гг.) меняются, на наш взгляд, представления самого исследователя, с одной

стороны, о *варианте* как таковом, с другой стороны, о связи эпоса с исторической памятью народа, с «перипетиями этнической истории якутов» [Емельянов, 2000: 4], скорее всего, в ее ксенофонтовском понимании, восходящем к периоду участия Н.В. Емельянова в подготовке к изданию неопубликованных работ Г.В. Ксенофонтова [Ксенофонтов, 1977: 4]. В первом случае прослеживается эволюция от варианта как «разового» диалектного воплощения традиции к варианту, в эпическом наследии виднейших сказителей понимаемому в качестве «самостоятельного оригинального произведения, созданному искусством олонхосутов на основе устоявшейся устной эпической традиции» [Емельянов, 2000: 18]. Именно этим обусловлено обращение «к каждому олонхо», а в последней работе ставится непосредственная задача раскрытия «закономерностей развития сюжетики олонхо о Нюргунах» на примере творчества татгинских олонхосутов последней четверти XIX в. Н.Т. Абрамова, Н.Ф. Попова, К.Г. Оросина. Задачами систематизации отнюдь не ограничивается цель последней монографии, где, по словам автора, «рассматриваются и анализируются целостные произведения олонхо и исследуются сюжеты каждого сказания в отдельности» [Емельянов, 2000: 18].

Вследствие этого все чаще возникает необходимость в обращении автора к вопросам поэтики якутского олонхо, и эти обращения в текстах двух монографий достаточно показательны. В своей третьей монографии Н.В. Емельянов специально обращается к «переходным сюжетам» (гл. 1 и 6 раздела III), характерным не только в плане эволюции от одной типологической разновидности к другой (от «родоначальников» к «защитникам племени»), но и в плане изменений в поэтике самого эпоса, что в первую очередь начинает проявляться в его сюжетной структуре (появление сказочных мотивов и мотивировок, соотношение сказочного/мифологического и собственно эпического повествования, разрастание и непредсказуемость, своего рода «авантюристичность» (в известном смысле), сюжетных линий, персонификация божеств в виде «явления» их герою и др.).

Эволюционный аспект в «переходных сюжетах» не только связан с трансформацией исходной (мифологической) основы эпоса, но и на-

ходит выражение в формульно-языковой сфере сказителя, в отборе и взаимозамещении им отдельных элементов сюжетной структуры и пространственной организации устного текста [Емельянов, 2000: 18, 151]. Исследователь обращает внимание на метрические аспекты разбивки текста на строки, на важность разграничения «стиха» и «прозы» в олонхо [Емельянов, 1980: 13; 2000: 27, 28, 31, 84], на его формульную (в терминах А. Лорда) повторяемость [Емельянов, 2000: 27, 86, 87–88, 165], на особенности пространства и времени в олонхо как на самостоятельный объект изучения [Емельянов, 2000: 161–162], на повествовательные особенности (и возможности) текста эпического варианта [Емельянов, 1980: 5, 13; 2000: 18, 151] и в связи с этим на принципы текстообразования в олонхо [Емельянов, 1990: 102, 113, 171, 176; 2000: 63], на эволюцию эпического жанра в целом и его отдельных мотивов [Емельянов, 2000: 94, 156]. Одним из первых Н.В. Емельянов обращает внимание на явление самозаписей олонхо [Емельянов, 2000: 89, 91, 124], прецеденты которых встречаются уже в первых публикациях Э.К. Пекарского (полные записи олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур» [Пекарский, 1907], Н.Ф. Попова «Тойон Нюргун» и др.). Тем самым Н.В. Емельяновым была предварена постановка целого комплекса проблем изучения олонхо, где определяющими становятся соотношения в том или ином варианте характерных черт искусства олонхосутов и устоявшихся эпических канонов [Емельянов, 1980: 5; 2000: 18, 151], постепенное нарастание в эволюции жанра олонхо развитых форм этнического самосознания, что находит выражение в разработке эпических героев и системы второстепенных персонажей, а также в сюжетно-композиционной структуре олонхо и ее модификациях [Емельянов, 2000: 4, 9, 182, 183].

Две последние монографии Н.В. Емельянова в значительной мере выходят за рамки детализации предложенного еще в 1980 г. свода олонхо и отличаются интересом самого исследователя к проблемам поэтики олонхо. Основопологающей становится идея автора о том, что олонхо как жанр традиции обладает особой поэтической структурой, собственной поэтикой, задача исследования которой определит вектор последующих изысканий. В этой связи следует выде-

лить исследование Л.Н. Семеновой о пространственно-временной организации якутского олонхо, где впервые была дана обстоятельная оценка работ Н.В. Емельянова [Семенова, 2006: 5, 17, 18, 22, 28]. «Пути сюжетных трансформаций», «периферийных пространственных элементов» обнаруживаются, по мнению исследовательницы, на стыке или на границе «персонажной периферии», «а совмещение (столкновение) в семантике и пространственной атрибуции героя характеристик обеих антагонистических сфер (*айыы/абаасы*) становится важным фактором сюжетного варьирования» [Семенова, 2006: 219]. Характерно, что в своем анализе она приходит к сходным с Н.В. Емельяновым выводам, которые были предварены его проницательным анализом наиболее «поздних» вариантов олонхо «о родоначальниках» и «о защитниках племени», в которых на первый план выходят «переходные», «двойственные» или «периферийные» персонажи (Аджына Боотур, сын-бык Тонг Саар Тойона, Уолан Соготох Улуу Нюргун и др.) с соответствующими им в тексте сдвигами сюжетного и событийного плана.

Важным в эволюции исследовательских представлений Н.В. Емельянова становится целостное понимание поэтики якутского олонхо, требующего системного подхода в его изучении. В его работах на мощном фундаменте типологической классификации вариантного многообразия начинает складываться представление о том, что поэтика этого жанра не сводится к изолированному рассмотрению изобразительных средств или к отдельным моментам и единицам повторяемости, но представляет собой целое, в котором задействованы целостные механизмы устного продуцирования самой традиции. Именно это подтверждают закономерности эпического сюжетосложения, впервые исследованные ученым, и соотносимость эпического жанра с другими повествовательными жанрами, также поставленная в его последних работах. В этом плане якутский исследователь близок к тому пониманию поэтики «как формы структуризации текста», к которому пришел С.Ю. Неклюдов, изучая пространство и время в русском былинном эпосе и эпосе монгольских народов [Неклюдов, 2015: 15].

Общую направленность исследовательской мысли Н.В. Емельянова следует обозначить как

логику движения от систематизации вариантов к классификации сюжетов олонхо, выявления внутренних закономерностей их построения. В связи с конкретным и по большей части сопоставительным анализом не только разных вариантов, но и самого олонхо с разными жанрами (исторические предания, сказки и др.) исследователь ставит целый круг достаточно сложных и до конца еще непроясненных вопросов жанрового взаимодействия в устной традиции.

Исследования Н.В. Емельянова показали, что фольклорный материал достаточно проницаем для структурно-типологической методологии. Одним из первых среди якутских исследователей он подошел к необходимости выведения структурных и типологических закономерностей из анализа самого материала, к постановке проблем поэтики олонхо, отчетливо проявляющихся в концепции и в тексте двух его последних монографий. В силу завершенности самого текста именно его предпоследняя монография (1990 г.) о «родоначальниках племени» предстает в качестве первого образца такого плана типологического анализа. Тем самым в эпической тетралогии автора – своеобразной серии монографий по якутскому эпосу олонхо, продиктованной самим материалом, – обнаруживается собственная исследовательская логика и ее внутренняя эволюция от работы к работе.

IV. Обсуждение. Об истоках методологического подхода Н.В. Емельянова. Исследовательская позиция якутского ученого формировалась на пересечении разных начал. С одной стороны, своими работами он обозначил новый подход в изучении олонхо, связанный с выявлением сюжетной организации эпического повествования, «изнутри» культуры. При этом акцент делался на анализе конкретных (разновременных) записей текстов устной традиции. Эта позиция в своей основе восходила к тем принципам вычленения и понимания устных источников, которые разрабатывались в якутской гуманитарной науке от Г.В. Ксенофонтова («Эллэйада» и шаманские тексты в его полевых записях [Ксенофонтов, 1977]) до Г.У. Эргиса (первое научно комментированное издание олонхо [Эргис, 1947]). С другой стороны, за работами Н.В. Емельянова стояла научная традиция ведущих российских эпосоведов и фольклористов второй половины XX в. (В.Я. Пропп, Б.Н. Пути-

лов, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик и др.). Со многими из них Н.В. Емельянов тесно общался, консультировался, имел опыт совместного редактирования своих монографий, достаточно в этой связи указать на то, что ответственными редакторами его монографий в разное время были Б.Н. Путилов, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик.

В постановке проблемы сюжетного разнообразия олонхо Н.В. Емельянов был близок к идеям, высказанным В.Я. Проппом по отношению к одному из повествовательных жанров – сказке. В завершении своего труда «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп размышляет о двух путях изучения фольклора и, в первую очередь, его повествовательных жанров: первый из них – путь «изучения сходства явлений» и второй – «изучения различий». Якутский исследователь почти дословно воспроизводит мысль В.Я. Проппа о том, что фольклор (и в особенности его повествовательные жанры) «при своем единообразии чрезвычайно богат и разнообразен» [Пропп, 1986: 361]. Более того, именно эта идея не только спроецирована на якутский материал, но и стала определяющей в исследовании сюжетного разнообразия вариантов олонхо. При этом В.Я. Пропп подчеркивал, что «изучение этого разнообразия, изучение отдельных сюжетов [Подчеркнуто нами. – Н.П.] представляется более трудным, чем изучение композиционного сходства» [Пропп, 1986: 361].

Влияние В.Я. Проппа на якутского исследователя было, по всей видимости, не только определяющим, но и несомненным, учитывая тот факт, что именно этот выдающийся ученый стал первым оппонентом на защите кандидатской диссертации Н.В. Емельянова по якутскому эпосу. Обращает на себя внимание то, что многие методологические моменты исследования В.Я. Проппом сказки как повествовательного жанра, подытоженные им в предисловии и в I и II главах его знаменитой «Морфологии сказки», оказываются напрямую связанными с методикой анализа сюжетных вариантов олонхо, разработанной Н.В. Емельяновым. Уже в своем предисловии В.Я. Пропп подчеркивает важность описания синтагматической структуры сказки: «Элементы, которые здесь только выделены как таковые, подвергались подробному рассмотрению и сопоставлению. Но выделение

элементов составляет ось всей работы и предопределяет выводы» [Пропп, 2001: 4].

В первой главе своей известной работы В.Я. Пропп акцентирует значимость «предварительного систематического описания» в качестве необходимого условия изучения сказки как явления, отличающегося «чрезвычайной многообразностью». Если это явление не может быть изучено «сразу по всему объему, то материал следует разделить на части, т.е. классифицировать его». «Правильная классификация, – продолжает исследователь сказки, – одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения» [Пропп, 2001: 7]. Актуальными представляются размышления ученого о классификации, связанной с «делением на сюжеты», о том, что не всё из текстового «многообразия» уместится в разряды при той или иной систематизации [Пропп, 2001: 9]. Именно поэтому в сказке, по мнению В.Я. Проппа, «отделение одного сюжета от другого и подбор вариантов – дело совсем не простое» [Пропп, 2001: 11]. Наконец методологически важный результат, к которому приходит исследователь сказки, оказался продуктивным для всех почти повествовательных жанров: «Изучение формальных закономерностей предопределяет изучение закономерностей исторических. Однако этим условиям может отвечать только такое изучение, которое раскрывает закономерности строения, а не такое, которое представляет собой внешний каталог формальных приемов искусства сказки» [Пропп, 2001: 17].

Многие принципиальные моменты пропповского понимания «сюжетной структуры», его единства в условиях вариантного «многообразия», необходимость «предварительного систематического описания», «классификации» и ее «выведения из материала по существу» оказываются методологически важными для исследователя олонхо. Следы «пропповского» влияния и других исследователей XX в. (Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова и др.) обнаруживаются в работах Н.В. Емельянова, в особенности на последнем этапе реализации его концепции «систематизированного свода». Однако изучение этого вопроса – дело будущего, в данном случае ограничимся только постановкой проблемы.

В процессе детального анализа вариантного разнообразия олонхо, то есть того типа черновой работы над текстовым материалом, о котором писал В.Я. Пропп [Пропп, 2001: 19], Н.В. Емельянов пришел к сходным выводам и результатам по определению общей «сюжетной структуры» (по терминологии В.Я. Проппа) якутского эпоса. В своей третьей монографии 1990 г. о «родоначальниках племени» якутский исследователь приходит к необходимости специального исследования вопросов сюжетного «единообразия» структурно-типологического плана. Именно в этой монографии Н.В. Емельяновым намечены поиски структурных оснований сходства разных сюжетов, что еще предстоит и исследовать. Плодотворной в этой связи представляется идея В.Я. Проппа о том, что в противопоставлении «многообразия» структурному «однообразию» последнее следует связывать с проблемой «повторяемости» в фольклорном тексте. В целом следует предположить, что именно пропповское понимание сюжетного разнообразия, основанного на структурном единообразии повествовательных жанров, становится методологическим принципом, осуществленным Н.В. Емельяновым на материале якутского олонхо, что позволяет по-новому взглянуть на работы якутского исследователя, а главное – подключить их к общему контексту фольклористических и шире – филологических исследований XX в.

У. Заключение. Работы Н.В. Емельянова 1980-90-х гг. XX в. по якутскому эпосу обозначили собой новый этап в его изучении, связанный с систематизацией имеющихся вариантов олонхо и с последовательным применением к этому материалу стадияльно-типологического подхода, сопряженного с пониманием закономерностей формирования якутской эпической традиции в широком контексте этно- и культурогенеза якутского народа.

Одним из первых якутский исследователь пришел к объяснению причин вариантного многообразия эпоса олонхо в целом, за которым стоят универсальные закономерности эпического текстообразования, сосредоточенные прежде всего в плоскости эпического сюжетосложения. К ключевым моментам методологии исследователя следует отнести понимание сюжета отдельно взятого варианта как синтагматической

последовательности, сохраняющейся в традиции в качестве отголосков единой структуры, но индивидуализируемой при каждом исполнении. В то же время в своих завершающих работах Н.В. Емельянов подошел к постановке проблем поэтики олонхо как совокупности сюжетной, пространственно-временной, формульно-поэтической составляющих. С работами Н.В. Емельянова связана первая системная постановка проблем поэтики якутского героического эпоса, где определяющая роль отводится вопросам эпического сюжетосложения. Вполне обоснованной предстает сфокусированность интересов исследователя в последние годы к соотношению традиционного олонхо и путей его трансформации в эпоху письменной культуры. Многие аспекты современных работ по эпосу восходят в этом плане к ключевым идеям, высказанным Н.В. Емельяновым уже в работах 1980-х гг.

В исследованиях якутского ученого нашли отражение лучшие достижения отечественной (В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов и др.) и зарубежной (М. Пэрри, А. Лорд, Х. Ясон) науки XX в. по соотношению вариантного «многообразия» и удивительного инвариантного «единообразия», сосредоточенного прежде всего в сюжетной структуре традиционного эпоса. Своеобразная эпическая тетралогия, созданная Н.В. Емельяновым на материале якутского олонхо, свидетельствует о том, что ее автор стоял на высоте теоретических представлений своего времени и в то же время ему удалось осуществить на этом материале многие идеи Г.У. Эргиса по систематизации и тщательному анализу вариантного разнообразия олонхо, достойно продолжив тем самым начинания своего учителя. Научный вклад Н.В. Емельянова в развитие якутского и отечественного эпосоведения определяется тем, что новейшие и наиболее концептуальные исследования отечественной науки XX в. были спроецированы им на богатейший в своих поэтических формах продуцирования якутский эпический материал.

Список литературы:

Емельянов Н.В. Сборник якутских пословиц и поговорок. Якутск, 1965. 246 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени [Отв. ред. В.М. Никифоров]. Новосибирск: Наука, СИФ РАН. 2000. 192 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени [Отв. ред. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик]. М.: Наука, 1990. 212 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо [Отв. ред. С.Ю. Неклюдов]. М.: Наука, 1983. 246 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо [Отв. ред. Б.Н. Путилов]. М.: Наука, 1980. 376 с.

Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки [Под ред. Г.У. Эргиса]. Якутск: Як. кн. изд-во, 1962. 94 с.

Ксенофонтов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.

Мелетинский Е.М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 360-381.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. Изд. 2-е, исправл. 463 с.

Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: РГГУ, 2015. 216 с.

Пекарский Э.К. Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1907. Т. 1. Вып. 1. С. 1-80.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 366 с.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 227 с.

Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. М.: изд-во АН СССР, 1962. 256 с.

Семенова Л.Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Нюргун Боотур Стремительный [Текст К.Г. Оросина; ред. текста, пер., вводная ст. и коммент. Г.У. Эргиса]. Якутск, 1947. 409 с.

References:

Nyurgun Bootur Stremiteliniy. Tekst K.G. Oposina. Redaksiya teksta, perevod, vvodnaya statya i kommentarii Ergisa [Nyurgun Bootur the Swift. Text by K.G. Orosin. Edited, translated, introduction and commentary by G.U. Ehrgis]. Yakutsk, 1947. 409 p. (In Yakut).

Ehrgis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. Moscow, Science Publ., 1974. 402 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Sbornik yakutskikh poslovits i pogovorok* [Collection of Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk, 1965. 246 c. (In Yakut).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o rodonachalnikakh plemeni. Otvetstvennyy redaktory Neklyudov S.Yu., Novik E.S.* [Olonkho plots about the ancestors of the tribe. Responsible editors Neklyudov S. Yu., Novik Ye.S.]. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 207 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni. Otvetstvennyy redaktor V.M. Nikiforov* [Olonkho plots about the defenders of the tribe. Responsible editor Nikiforov V.M.]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. 192 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho*. [Plots of early types of the Yakut epic Olonkho]. Moscow: Science Publ., 1983. 246 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho*. [Plots of the Yakut epic]. Moscow: Science Publ., 1980. 375 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Yakutskiy poslovitsy i pogovorki. Pod redaktsiyey G.U. Ergisa* [Yakut proverbs and sayings. Edited by G.U. Ehrgis] Yakutsk, Yakutsk book publ., 1962. 94 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Elleiaada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii yakutov* [Materials on Mythology and Legendary History of Yakuts]. Moscow: Science Publ., 1977. 248 p. (In Russian).

Meletinskiy Ye.M. *O drevneyshem tipe geroya v epose tyurko-mongolskikh narodov Sibiri. Meletinskiy Ye.M. Izbrannyye stati. Vospominaniya* [About the most ancient type of hero in the epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Meletinskiy Ye.M. Selected articles. Memories]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 1998. Pp. 360-381. (In Russian).

Meletinskiy E.M. *Proiskhozhdenie geroyeskogo eposa. Rannie formy i arkhaischeskiye pam'iatniki* [Origins of heroic epos. Early forms and archaic artifacts]. Moscow: Eastern literature, 2004. Ed. 2-nd., revised. 463 p. (In Russian).

Meletinskiy Ye.M. *"Edda" I ranniye formy eposa* [The Edda and early forms of the epic]. Moscow: Science Publ. 1968. (In Russian).

Neklyudov S.Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya*. [The poetics of epic storytelling: space and time]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2015. 216 p. (In Russian).

Pekarskiy E.K. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannyye E.K. Pekarskim* [Examples of the folk literature of Yakuts, collected by E. K. Pekarskiy]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1907. Volume 1, issue 1. Pp. 1-80. (In Yakut).

Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: Leningrad State University named after A.S. Pushkin Publ., 1986. 366 p. (In Russian).

Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labyrinth, 2001. 144 p. (In Russian).

Pukhov I.V. *Yakutskii geroicheskii epos olonkho: Osnovnyye obrazy* [Yakut heroic epos Olonkho: Primary imagery]. Moscow: Academy of Sciences Union

of Soviet Socialist Republics Publ., 1962. 256 p. (In Russian).

Putilov B.N. *Geroicheskii epos i deystvitel'nost'* [Heroic epos and reality]. Leningrad: Science Publ., 1988. 227 p. (In Russian).

Semenova L.N. *Epicheskiy mir olonkho: prostrannaya organizatsiya i syuzhetika* [The epic world of Olonkho: Spatial organization and plot]. St. Petersburg: Petersburg oriental studies Publ., 2006. 228 p. (In Russian).

N.V. Pokatilova

The Olonkho Epic in N.V. Emel'yanov's Research: from Systematization to the Patterns of Epos Plot Composition

Scientific novelty. All of the N.V. Emel'yanov's works are a single whole, the conceptuality of which is due to a holistic understanding of the epic genre of Olonkho, which has undergone a fairly long evolution in the broad context of the ethno – and cultural genesis of the Yakut people, its movement “from the South to the North”.

In the plot composition and various plot layering, as well as the established poetic diction of Yakut Olonkho we find expression of the archaic nature and at the same time, self-containment of epic plot- and genre genesis processes: from the early mythological forms to the developed heroic narrative. *The aim and tasks of the article.* The paper undertakes an analysis of N.V. Emel'yanov's monographic research of Yakut Olonkho epos. Attempted description of the plots of Yakut Olonkho in his first work (1980) was dictated by the problem of categorizing the considerable corpus of recorded variants retained in the Archive of the YaSC of the SB RAS.

Research methods. Based on the material of 75 manuscripts the principles of classification of Olonkho by type of epic hero and according plot composition were developed. Within every type was additional differentiation into subtypes, characterizing discernible individual plot sequences in every variant of a subgroup. Textual description of each of the three core types of plots were made in researcher's subsequent monographs (1983, 1990, 2000). However it soon became clear that the research problem cannot be limited to the categorization of variants, moreover the paper has introduced an expanded conception of analysis of the plot variants.

Results. As a result, the initial problem of systematization of variants has escalated into research of particularities of plot composition of the oral epic text. N.V. Emel'yanov's body of work prefigures the possibility of a systemic analysis of the poetics of Yakut Olonkho as a complement of plot, spatiotemporal and formula-poetic composition, which functions as a coherent structure of oral origin.

Keywords: oral tradition, Yakut Olonkho, epic plot, variant, systematization of plots, plot composition of Olonkho